

16+

Юлия Голубчикова

Бессмертие

Юлия Голубчикова

Бессмертие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61551748

SelfPub; 2020

Аннотация

Друзья всего лишь хотели стать богатыми и знаменитыми. На что только не пойдешь ради этого! Потом в их работе будут разбираться военные, СМИ, другие ученые. Но свою славу друзья все же получают. Правда, не той ценой, какой хотели.

Если хочешь быть богатым

Рик Ларсен с такой силой стукнул кулаком по столу, что чашка с кофе опрокинулась.

– Вот гадость!

– В чем дело? – спросил более спокойный Берт Хасли.

– Вот, полюбуйся! – Рик сунул другу в руки планшет. – Вручили Главную премию! За достижения в биохимии! И конечно же, не мне, кто бы сомневался! Но он же даже не доктор, всего лишь какой-то лаборант!

– Дай-ка посмотреть. А ты пока воздержись от истерики, мне нужно сосредоточиться. Так, в этом году претендентов отбирал попечительский совет, жюри оценивало достижения, причем не за один год. Ага, победитель еще не получил степени, поскольку учится. Но он работает с известным доктором Грейсом, тот великодушно отметил заслуги своего помощника.

Оставшуюся часть сообщения, где говорилось, за что именно молодой ученый получил Главную премию, Берт прочел про себя. После этого он отложил планшет.

– Послушай, Рик, а что ты расстраиваешься? – он внимательно посмотрел на друга. – Тебя ведь не было в числе претендентов. И докторская степень – это, конечно, хорошо, но лекарство от лихорадки Хьюла, согласишься, все-таки лучше. Вспомни, сколько людей от нее умерло. Миллион кредитов за одну только степень не дают.

– Да, кто знает, когда теперь в следующий раз будут давать

премию за биохимию?!

– Никто этого не знает, – перебил его Берг. – Но если ты хочешь, чтобы следующий миллион стал твоим, пора вылезать из кабинета и поработать, так сказать, в полевых условиях.

– Не только миллион, – прошептал Рик. – Ты же знаешь, дело не только в деньгах.

– Да, конечно, – кивнул Берг. – Еще доказать всем этим людям, чего ты стоишь. Но с миллионом доказывать проще, согласишься.

– Эпидемии по заказу не происходят, – заспорил Рик.

– Забудь про эпидемии, вспомни, зачем ты стал биохимиком, – снова перебил его Берг. – И попробуй что-нибудь сделать.

Эти двое дружили еще со студенческих времен. Один в итоге стал химиком, второй – биохимиком. Не сказать, чтобы совсем уж заурядные ученые, но и звезд с неба не хватало. И если Берг и не пытался доказать всему миру, что он гений, то Рик болезненно реагировал всякий раз, когда кто-то получал признание своих заслуг. И конечно, ни один из них не отказался бы от денег.

Подобные разговоры случались у них и раньше – практически после каждого вручения более-менее престижной премии. Но через несколько недель все возвращалось на круги своя – до следующей награды. В этот раз получилось по-другому.

– Страдалец, все еще мучаешься? – спросил Берт, заходя в лабораторию к Рику.

– Ничего я не мучаюсь, – огрызнулся тот.

– Смотри, что я нашел, – Берт протянул ему планшет. – Обрати особое внимание на четвертый абзац!

Заинтригованный Рик принялся читать, перескакивая через предложение. Он пробежал глазами тот самый четвертый абзац, чертыхнулся и стал перечитывать сообщение еще раз, уже внимательнее.

– Что? Ничем не болеют? Как такое возможно?

– Ты невнимательно читал, – перебил его Берт. – Не подвержены вирусу В178, который обычно вызывает насморк. При заражении через кровь. Вирус у них исчезает, антитела не вырабатываются. В общем, не болеют. Может, и еще чем не болеют, но это пока неизвестно. И у тебя как раз есть возможность ответить, как такое возможно.

– Ты предлагаешь отправиться туда?

– А почему нет? Это открытая международная база, для биохимика и химика место найдется, причем не обязательно присоединяться к их группам, можно образовать свою.

– Свою группу, – повторил ошарашенный Рик.

– Нечего вздыхать, готовь заявку, чтоб через месяц мы уже были там. Представляешь, что можно сделать на таком материале? Лихорадка Хьюла покажется детской шалостью. Да богачи драться будут за такую штуку!

Их заявку одобрили без проволочек, вскоре друзья при-

соединились к другим исследователям, изучавшим загадочных существ, на которых почему-то не действовали вирусы.

Дружелюбные инопланетяне

Строго говоря, дружелюбие не было им свойственно. Пожалуй, это было отсутствие агрессии или же безразличие. Официально их называли прести – в честь биолога Питера Прести, который их открыл. Но в широких кругах эти животные были известны как мантии. Вероятно, такое название прицепилось к ним из-за внешнего вида – они походили на собак и морских скатов одновременно.

Два года назад Питер Прести обнаружил этот вид на Галатее, где был в составе первой исследовательской миссии. Он же отметил редкую неагрессивность животных. Они абсолютно спокойно реагировали на чужаков в защитных скафандрах, даже позволяли себя гладить. Не было у них агрессии и по отношению друг к другу – ни среди зрелых особей, ни среди молодняка. Лишь иногда мантии покусывали сами себя. И сами они были травоядными, а на них никто не охотился. В общем, примечательные создания.

Биологи не отмечали со стороны мантий именно дружелюбного поведения, свойственного, например, собакам. Животные не искали контактов с людьми. Но даже отсутствие агрессии было большой редкостью, так что открытие прести быстро облетело все поселения. А еще через год звери стали знамениты. Вторая исследовательская миссия обнаружила

на Галатее эпидемию животных. Представители самых разных видов массово умирали, причем в разных местах. Тогда было много споров, должны ли земляне вмешаться, и имеют ли они вообще такое право. Но биологи победили. Благодаря их стараниям часть заболевших животных удалось спасти. Еще части помогли мигрировать в безопасные регионы и избежать заражения. Тогда биологи обратили внимание на то, что мантии спокойно находились в местах гибели животных, но сами не заражались. И поведение их не изменилось – иногда они все так же покусывали сами себя, сохраняя при этом редкостное спокойствие.

Эта новость также облетела все поселения. А потом нескольких животных привезли на Землю. Не на саму планету, разумеется, а на орбитальную исследовательскую станцию, на которой были земные условия. Они вполне подходили мантиям, на Галатее были такие же. Звери прекрасно перенесли перелет и устроились на орбитальной станции, для них выделили участок, достаточный для комфортного обитания. В целях безопасности, на которой особенно настаивали военные наблюдатели, эта часть была огорожена. Однако для контактов с мантиями скафандры уже не надевали, только маски-респираторы и перчатки. Да и то не постоянно, а на время опытов.

Ученые вплотную занялись исследованиями и вскоре выяснили, что не только инопланетные микроорганизмы были не страшны мантиям. Земные вирусы тоже не причиняли

животным вреда. После этого мантии в широких кругах стали известны как дружелюбные инопланетяне, хотя массового дружелюбия они по-прежнему не проявляли. Точнее, привязанность к людям была лишь у одного животного. И только по отношению к одному человеку. Но этот факт остался незамеченным.

От простуды до бессмертия

За то время, что мантии были на исследовательской базе, просто невозможно было дать ответы на все вопросы. Но ученые старались узнать, почему животным не вредят распространенные вирусы и микробы. И с каждым днем ответов становилось все больше. Один из них нашел Рик. Конечно, потом говорили, что информация была прямо на поверхности и кто угодно мог до этого додуматься. Но, во-первых, так говорили не все, а во-вторых, где бы ни была отгадка, нашел ее Рик.

Его пребывание на базе оказалось весьма плодотворным. Он предположил, что у разных животных, даже очень похожих, может быть разное время развития вирусов. А значит, надо отслеживать состояние инфицированных мантий не по дням, а по часам, в прямом смысле слова. Вскоре Рик нашел подтверждение своей гипотезы. Так, упомянутый уже вирус В178 все-таки воздействовал на мантии, микроорганизмы начинали размножаться. Но длилось это день-два, не больше. У других животных только через семь дней начина-

ли появляться первые симптомы. У мантй же через неделю уже нельзя было обнаружить никаких следов заражения, как будто они и не контактировали с вирусом вовсе. А вскоре после заражения в крови мантй появлялось специфическое вещество, крайне ядовитое для других существ, но необычайно полезное для самих мантй. Складывалось впечатление, что организм животных едва ли не полностью обновлялся, и уже на пятый-шестой день нельзя было обнаружить ни загадочного соединения, ни антител к вирусу, ни самого вируса.

Рик, который и обнаружил это вещество, полагал, что как раз оно и уничтожает вирус, а потом вызывает обновление организма. Причем биохимик полагал, что такая реакция будет и на другие вредные микроорганизмы. А еще он думал, что если бы такое соединение позволяло обновлять человеческий организм, то в будущем он стал бы и богат, и знаменит. Но некоторая известность уже пришла к Рику. После открытия ядовитого вещества он вместе с Бертом предложил на его основе создать вакцину от насморка и даже разработал начальный состав препарата. Казалось бы, не велика важность. Однако эпидемии происходят редко, а с простудой люди сталкиваются постоянно. И это средство обещало не убрать симптомы, а именно защитить от вируса.

Результаты у лабораторных мышей были весьма обнадеживающие, об этом сообщили серьезные научные издания, другие исследователи с радостью пожимали Рику руку. Но

ученому этого уже было мало. Он вежливо улыбался коллегам, с удовольствием рассказывал, как идет работа над вакциной. Но мысли его перескакивали от простуды к куда более серьезным задачам. Он хотел найти средство, продлевающее жизнь. Значительно продлевающее.

Рик и Берт полагали, что как раз соединение, запускающее иммунную систему мантий, позволит решить эту задачу. Работали над ней они в тайне от всех остальных, чтобы не создавать лишних конкурентов. Об этом не знали даже другие участники группы, работавшей над средством от простуды, не говоря уже о прочих исследователях. И результаты, по мнению ученых, были очень обнадеживающими. Для желанного результата не хватало мелочи, считали они. Но вот что это за мелочь – пока сказать не могли. В поисках недостающего элемента Рик почти все время проводил в лаборатории. И Берт, хотя тоже усиленно работал, уже начал беспокоиться за здоровье друга.

– А, это ты, – отозвался Рик, увидев его. – Смотри, какая интересная штука получается. В обычной ситуации мы наблюдаем вот такой график: сначала вирус попадает в организм, потом активно размножается, потом вырабатываются антитела. Вирус не определяется, антитела остаются. И занимает все это около двух недель. У мантий антител нет, но с появлением вируса вырабатывается ядовитое соединение C1084, причем уже в первый день, максимум – во второй. Наблюдается резкий рост молекул этого вещества, а потом

– еще более резкое исчезновение. И все, ни вируса, ни яда, ни антител. И это – примерно за три дня. И такая картина не только с В178, я проверил В234, вызывающий “марсианский грипп”, результат тот же, хотя он развивается гораздо дольше. Ни возбудителя, ни антител.

– Да, Рик, ты уже об этом рассказывал, – прервал его Берт.

– Нет, ты не понимаешь, на модели все выходит совсем не так, и в пробирке тоже, – возразил Рик. – Моделирование показывает рост концентрации С1084, а потом гибель организма. В пробирке то же самое, носитель должен погибнуть. А в реальности вещество ликвидируется, а организм здоров.

– Интересно. А кроме С1084 у них что-нибудь вырабатывается?

– Вот это я и пытаюсь найти, но пока не вижу. Эта штука очень ядовита, небольшое промедление – и мантии просто умрут от отравления. Но что-то ликвидирует яд. А я пока не могу найти это что-то, – биохимик устало потер лоб. – Ладно, у тебя что нового?

– Я задал поиск катализатора, который бы регулировал количество С1084, и система выдала ошибку. Сейчас идет восстановление базы данных. Так что я до утра без работы. Да и тебе стоило бы отдохнуть.

– Я тут думал...

Договорить он не успел. По всей базе раздался гонг радиационной опасности. Такое случалось и раньше, но обычно об угрозе было известно заранее, и люди могли спокойно за-

кончить свои дела в лабораториях. А гонг – скорее для порядка, как последнее предупреждение. В этот раз предупреждения не было.

– Надо убрать образцы, – сказал Рик. – Мы же потеряем результаты стольких дней работы!

– Надо скорее убираться отсюда! – ответил Берт и потащил друга к выходу.

Угроза радиационной опасности сохранялась более суток. Потом в лабораторию зашел помощник и убрал все образцы в герметичный отсек, хотя по инструкции их надо было уничтожить. Ни Рик, ни Берт в тот день в лабораториях не были, они участвовали в заседании исследователей и весь день провели в конференц-зале. А еще через день исследователи стали умирать.

Эпидемия в отдельно взятой группе

Генерал Адриан был в бешенстве. Правда, заметить это мог только тот, кто хорошо его знал. Впрочем, причина для бешенства была более чем уважительная. На научной базе, где он был наблюдателем и отвечал за безопасность, умерли девять человек, в том числе четверо солдат. Причем картина складывалась крайне подозрительная. Вечером все были здоровы, что подтвердили датчики комнат. Утром у всех было легкое недомогание, что опять же подтвердили датчики, и все получили рекомендацию никуда не выходить. Еду и питье им приносили роботы, которые потом прошли полную

дезинфекцию.

Во второй половине дня несколько больных почувствовали себя хуже, но так как все они, за исключением солдат, имели соответствующую подготовку, то могли сами взять необходимые лекарства из аптечки. У солдат были симптомы “марсианского гриппа”, и им дежурный врач выписал соответствующее лечение. Своих пациентов он, как и полагается на станции, посещал в скафандре высшей защиты, а потом также прошел полную дезинфекцию. А вечером люди стали умирать. В тяжелом состоянии их доставили в госпиталь, но даже со всем необходимым оборудованием спасти никого не удалось. Последний пациент умер на следующий день.

Конечно, любая исследовательская деятельность могла закончиться трагически. И такие случаи периодически бывали. Но тогда у людей хотя бы была нормальная причина смерти! Или хоть какая-нибудь причина смерти.

– Итак, подведем итоги, – обратился генерал к главному военному врачу Спелси. – У нас в наличии девять трупов без каких-либо причин смерти. Так?

– Так, – подтвердил главный военный врач. – Люди умерли, а вскрытие показало, что им еще жить и жить. Даже больше: жить и здравствовать.

– То есть они гарантированно умерли не от “марсианского гриппа”?

– От “марсианского гриппа” давно не умирают, тем более

в госпитале, генерал, – ответил врач. – Нет, это определенно не “марсианский грипп”.

– И среди них – вся группа ученых, которые работали с этими мантиями, и четверо наших ребят. Так?

– Не совсем. Погибли пять человек, которые работали над вакциной, и четверо наших. Причем все погибли за два дня.

– И все они контактировали с мантиями?

– Наши – точно нет. А ученые могли. Честно говоря, я не знаю, какой у них протокол. Периодически люди брали у животных кровь для анализов, но когда это было в последний раз – не могу сказать.

– Я так и знал, что из-за этих зверей будут проблемы! – воскликнул генерал. Почти все знали, что он с большим недоверием относится ко всему инопланетному, а мантий, вопреки всеобщему мнению, не считал дружелюбными.

– Возможно, вы правы, но доказать это мы не можем. По крайней мере, пока.

– Определить, что именно они изобретали в своих лабораториях будет, полагаю, еще сложнее? – генерал сразу после известия о гибели людей опечатал вход в лаборатории и приказал установить герметичный купол. Что бы там ни было – выбраться наружу само оно не могло. Но к объяснению причины ЧП такая предусмотрительность не приближала.

– Да, вы правы. Без помощи соответствующих специалистов разобраться в этом не удастся. Желательно заручиться поддержкой кого-то из самих ученых. К счастью, один из

этой группы выжил.

– Просто так люди не умирают, – вздохнул генерал. – Извините, доктор, мне придется вызвать комиссию с Земли. Не думайте, что я сомневаюсь в вашем профессионализме, но поскольку мы не можем указать причину смерти, это необходимо.

– Я все понимаю, генерал, – кивнул врач. – Это стандартная процедура, тем более, погибшие были гражданскими специалистами. Только мне почему-то кажется, что и комиссия не найдет причину смерти.

Как задавать вопросы

К сожалению, предположение доктора Спелси подтвердилось – эксперты с Земли также не нашли причин гибели людей. Не нашли они и недостатков в работе врачей и военных наблюдателей. Однако генерал был в бешенстве: где-то поблизости была угроза человеческим жизням, а он не мог ее найти! Да, после тех девяти смертей больше не погиб ни один человек, даже никто не заболел. Но из-за чего-то же люди умерли, и если не найти причину, это может повториться. Только генералу никак не удавалось отыскать хоть какую-нибудь зацепку.

– Вы говорили, кто-то из группы выжил. Он может хоть что-то рассказать? – спросил он главного врача.

– Из тех, кто еще работал над вакциной, жив один человек – за неделю до этих событий его отправили на карантин из-

за повышенной температуры. Сейчас он очень зол, как раз из-за этого карантина, впрочем, готов общаться, ответил на все мои вопросы и экспертов с Земли. Но его рассказ ничем нам не помог. Еще с мантиями контактировал зоопсихолог, он тоже жив, правда, чем-то переболел или как-то пострадал – у него на руке повязка. К разработке вакцины он никакого отношения не имеет. Также ответил на наши вопросы.

– Иными словами, люди чем-то заразились, быстро умерли, а зараза улетучилась сама собой?

– Да, генерал. У меня сложилось именно такое впечатление. И есть основания полагать, что гражданские эксперты склоняются к этой же версии. К сожалению, вряд ли мы сможем узнать, чем именно они заразились. Но две возможности есть, правда, вряд ли они вам понравятся.

– Говорите начистоту, доктор.

– Можно собрать новую команду исследователей и попытаться поискать причину в лабораториях.

– С риском, что еще кто-то умрет?

– Я же сразу предупредил, что вам это не понравится.

– Так. А второй вариант? Вы ведь говорили о двух возможностях?

– Этот зоопсихолог. Он молчит. По достоверным сведениям, раньше он был готов каждому рассказывать о своих любимых мантиях. А сейчас молчит. И это, согласитесь, подозрительно. Может, мантии как-то во всем этом замешаны.

– Я так и знал, что от этих животных будут проблемы, –

повторил генерал. – Остается только завидовать предкам, которые в подобной ситуации могли надеяться на сыворотку правды!

– Давайте не будем вспоминать о сыворотке правды, генерал. Это очень неприятная история.

Что правда, то правда. Давным-давно можно было мечтать, что появится некая таблетка, которая помешает людям лгать. И вот она появилась, но уже несколько лет никто даже не пытался ее использовать. Во-первых, сложно было заранее предсказать, как подействует сыворотка на определенного человека – результаты могли сильно исказиться даже от обычного порошка от головной боли. И люди вместо того, чтобы рассказать, куда они дели золотые слитки, вспоминали, как в четвертом классе посадили мышонка в сумку учительницы. Или чем занимались в командировке два года назад и почему потом понадобился больничный. Или как следили за женой начальника по его заданию. В общем, некрасиво могло получиться. А во-вторых, действие сыворотки могло оказаться не только непредсказуемым, но еще и крайне опасным. Пять лет назад ее ввели человеку, которого подозревали в шпионаже. В итоге он умер. Ни генерал, ни его врач к этой истории не имели отношения, но осадок все равно остался.

– Да, журналисты тогда расписали все в подробностях, – вздохнул генерал.

– Да, они вечно тут как тут со своими вопросами. Такое

впечатление, что они все узнают раньше тех, кому знать положено. И всегда готовы подлить масла в огонь, – военный врач не любил журналистов и вообще всех, кто задает вопросы, не будучи старше него по званию.

– С вопросами, говоришь? – повторил генерал после некоторой паузы. – А вот это мысль. Именно журналистов нам тут и не хватает.

– И я о том же, генерал, они только все испортят!

– Нет, доктор, не думаю, что в нашей ситуации можно что-то сильно испортить. Попробуем для начала второй вариант. Нам нужны ответы на вопросы, пусть даже мы их получим не первыми. Нам нужен журналист, который будет освещать нашу работу несколько недель.

– Хорошо, генерал, будем искать журналиста. Подозреваю, зоопсихолог что-то знает, но скрывает это. Надеюсь, журналисту удастся его разговорить, – когда было необходимо, доктор был готов мириться с личными неудобствами.

Если на работе неприятности

Ее звали Мэри-Энн Стокс, и ей очень нравилось, как звучит ее имя. А еще ей очень нравилась ее работа. И вообще, Мэри-Энн отличалась позитивным взглядом на жизнь, дружелюбием и любопытством – последнее было особенно полезно для нее как для журналиста. Но то, что происходило на работе, ей очень и очень не нравилось. Все указывало на то, что скоро Мэри-Энн придется искать новую работу. Она

не понимала, чем вызваны все эти конфликты, и считала, что хорошо справляется со своими обязанностями, но игнорировать тревожные “звоночки” не собиралась.

Девушка искала, где сможет применить свои знания и умения. И, похоже, она нашла свой шанс. Или хотя бы шанс на получение шанса – военные наблюдатели объявили конкурс на вакансию журналиста для освещения их работы на исследовательской станции. Успешный кандидат получал контракт минимум на два месяца, а за это время многое могло измениться. К тому же предлагаемое вознаграждение было весьма существенным, так что Мэри-Энн решила рискнуть. Она заполняла заявку, отбирала материалы для портфолио и одновременно обдумывала, какой план публикаций предложить, поэтому даже не заметила, как к столу подошел ее приятель, Ивар.

– Послушай, постарайся не обращать внимания на слова мистера Гафта, – сказал он. Ивар был начальником отдела, в котором работала Мэри-Энн, и они неплохо ладили, скорее, они были друзьями, чем начальником и подчиненным. Но в то же время девушка не рассчитывала на какое-то заступничество перед мистером Гафтом, который был главным в их подразделении.

– А, это ты, – отозвалась Мэри-Энн. – Я не заметила, как ты подошел. В случае чего, забронируешь для меня время в сетке вещания?

– В случае чего? – уточнил Ивар.

– Ну вот, например, этого, – девушка указала на конкурс.

– Ну, Мэри, ты же понимаешь, мы не можем ставить все подряд, разве что будет что-то очень интересное, – аккуратно ответил Ивар. Он старался не портить отношения со своим руководством и знал, какой настойчивой может быть его подчиненная. А потому решил ничего заранее не обещать, чтобы избежать каких бы то ни было вопросов с обеих сторон.

– Хорошо, – отозвалась Мэри-Энн.

– Я думал, ты расстроена, хотел с тобой поговорить, – продолжил Ивар. – Но раз ты в порядке, я пойду, мне нужно еще кое-что успеть закончить.

– Да, конечно. Мне тоже нужно кое-что закончить.

Хотя она и не рассчитывала на заступничество перед вышестоящим начальством, отказ в поддержке оказался болезненным. Мэри-Энн знала, что это именно вежливый отказ, хотя и не понимала, почему. Больших материалов о станции давно не было, а сейчас там и эти мантии, и ученые делают вакцину от насморка, в общем, можно найти много интересного. Что с того, что приглашают военные? У них тут вот прямо указано: освещать, как они обеспечивают безопасность ученых. Значит, общаться с исследователями не запретят. И у них условие – не меньше десяти материалов. А Ивар отказал в эфирном времени.

Мэри-Энн вздохнула и взяла себя в руки. Значит, придется сделать по-другому, только и всего. У девушки, как и у

всякого журналиста, был свой канал, где она выкладывала свои материалы, а порой добавляла к ним комментарии, как эти материалы готовились. Или давала расширенную версию – то, что не вошло в эфирный вариант из-за ограничений по времени, но тоже было интересно. Скажем прямо, звездой она не была, ее материалы смотрело не так уж много людей, но, может, звезды и не будут подавать заявки на конкурс? Мэри-Энн добавила в портфолио ссылку на свой канал и отметила в заявке, что может подготовить и разместить на нем столько материалов, сколько будет нужно. По крайней мере, подумала она, сделано все, что от нее зависело, а дальше – как повезет.

Репортажи из космоса

Мэри-Энн в который раз подумала, как ей повезло. Все складывалось на удивление гладко. Через несколько дней после отправки заявки ей назначили собеседование, а еще через неделю – второе. У нее прямо спросили, готова ли она работать на станции, где умерли несколько человек. Девушка, не задумываясь, ответила, что люди, к сожалению, умирают везде, а новости это новости.

– То есть вы согласны? – уточнил мрачный тип. Как позже узнала Мэри-Энн, это был генерал Адриан.

– Да, согласна.

– И вы сможете работать с людьми, у которых погибли товарищи? – продолжил он.

– Да, смогу. Мне приходилось освещать трагические события, например, метеоритный дождь в Инн-Хаусе, – подтвердила девушка. Конечно, тот материал дался ей нелегко, но в итоге все вышло хорошо, она точно знала. И потом, лучше такая работа, чем никакой.

– Хорошо. Мы вас ждем.

Итак, она получила свой контракт! Мистер Гафт без лишних вопросов подписал ей отпуск за свой счет, а Ивар пожелал успехов. Все отведенное на сборы время она старательно учила знаки различия военных, поскольку знала, что они очень щепетильны в этом вопросе. Когда девушка прилетела на станцию, она могла без проблем определить звание любого человека. Но самый большой сюрприз ждал ее во время беседы с генералом. После дежурных приветственных фраз ее начальник на ближайшие два месяца рассказал, где можно ходить без ограничений, а где – исключительно с его ведома. В общем, это было похоже на инструктаж по технике безопасности. Когда же Мэри-Энн спросила, с кем ей нужно согласовывать план работы и сами материалы, ее ждал сюрприз. Очень приятный сюрприз. Генерал оставлял все материалы на ее усмотрение, с ним нужно было согласовать лишь общение с военными, если это понадобится. Во всем остальном он вообще не собирался вмешиваться в ее работу! Контракт оказался мечтой – ты снимаешь то, что хочешь, а тебе платят за это деньги.

Не откладывая дела в долгий ящик, Мэри-Энн сразу же

договорилась об интервью с генералом. Она разместила на своем канале видео обзорной экскурсии по станции, беседу с генералом, с солдатами, охраняющими базу, репортаж о том, как устроен быт на станции. Девушка размещала видео не больше 10 минут и давала коротенький анонс следующей передачи. И – еще одна удача – аудитория канала постепенно росла, людям было интересно смотреть, что происходит на исследовательской станции.

К этому моменту журналистка уже знала, что контракт достался ей, потому что другой претендент отказался лететь. Но ее это совершенно не смущало и не мешало работать. По плану у нее была передача о мантиях, и она пошла договариваться, чтоб зоопсихолог рассказал о них. Он был нелюдимым, мало с кем разговаривал, насколько девушка могла судить. А друзей, кажется, у него не было вовсе. Но все это, как считала Мэри-Энн, к делу не относилось. Сначала надо спросить, а потом уж, при необходимости, искать пути обхода. Впрочем, никакие хитрости не понадобились. Зоопсихолога практически не пришлось уговаривать. Определившись с датой и временем, она попрощалась и ушла. Нужно ведь было еще договориться насчет беседы с ученым, который разрабатывал вакцину.

Тревоги и секреты

Эндрю Макгрегор с небольшим волнением готовился к интервью. Нет, собственно для разговора о престиже ему ника-

кая подготовка не нужна. Вряд ли кто-то знает о них больше, чем он сам. А вот определить, о чем надо сказать обязательно, а о чем – ни в коем случае, следовало заранее. Он боялся этого разговора с того самого дня. Потом он узнал о гибели почти всей группы, которая работала над вакциной, и ему стало еще тревожнее. Он ведь общался с ними, незадолго до трагедии он общался со всеми ними. Что, если они погибли из-за него? Эндрю не знал ответа на этот вопрос, и не был готов его узнать. Ведь если это из-за него... Страшно даже подумать о таком. Он знал, как проходит процедура, знал, что остаться в стороне, промолчать в такой ситуации не сможет. И знал, что генерал все сделает по инструкции и никого слушать не будет.

Эндрю достаточно благополучно пережил расспросы главного военного врача и комиссии с Земли. Он ответил на все их вопросы, почти на все – правдиво. Но сказать всю правду он не мог. На какое-то время угроза отступила, хоть он и подозревал, что врач ему не поверил. А теперь на станции появилась девушка, которая просит, чтобы он рассказал о прести для ее зрителей. Эндрю сразу заподозрил, что ее прислал генерал, и она это сразу же подтвердила, еще до его вопросов. Да, она приехала работать на станцию по приглашению генерала. Готовит материалы о работе станции и хочет рассказать о прести и его работе. Она даже знала, как они правильно называются! Он согласился, опасаясь, что отказ навредит ему и его секрету. И теперь предстояло продумать,

как и о чем с ней говорить. Вряд ли она была каким-нибудь секретным дознавателем, для этого она была слишком молода. Скорее всего, эта беседа не окажется такой уж сложной. Но подготовиться все же следует.

В ходе подготовки Эндрю выяснил, что девушка действительно журналист, работает на новостном канале на Земле. Материалы о работе станции размещает на своем канале. И ведь это было интересно! Он не знал, как ему быть. Неужели все это затевалось, чтобы выведать его секрет? Или это все-таки совпадение? В совпадения ученый не верил. Но журналисты – это ведь не следователи? Конечно, им можно проболтаться, если не думать, что говорить. Но бывает такое не часто, только когда люди не контролируют себя. В любом случае, отказываться от беседы опасно, его и так подозревают. Самое главное – ничего не говорить о повязке на руке. Вообще ничего. Тогда, может быть, все пройдет благополучно.

Эндрю Макгрегор прилетел на станцию вскоре после того, как там появились прести. Собственно, ради них он и прилетел. Он был зоопсихологом, специальность не самая популярная, к изучению поведения инопланетных животных многие относились скептически. Соответственно, и больших денег тут не было. Но ученому его скромного заработка хватало, его вообще все устраивало. А когда ему предложили отправиться на станцию, да еще с увеличением зарплаты, его радости не было предела. Не из-за денег, нет. Эндрю Мак-

грегору понравились прести. Было в них что-то особенное, в их холодной манере держаться, в их нежелании проявлять эмоции, в том числе агрессию, в их отстраненности от внешнего мира. Он был счастлив с ними работать. Был счастлив вплоть до того инцидента. Теперь нужно было придумать, как это счастье сберечь, пусть даже оно уже не такое, как раньше.

История Пятныша

Все пошло совсем не так, как планировал Эндрю. С самого начала не так, с того момента, как он попросил девушку надеть защитный скафандр, когда они собрались идти к прести.

– А для чего это? Разве прести могут быть опасны?

– Нет, конечно, нет. Просто, понимаете, они могут уку-
сать, – сказал Эндрю и тут же пожалел об этом.

– Укусить?! Как интересно, никогда не слышала об этом.
Но зачем скафандр? У них что, слюна ядовита?

– Нет, конечно, нет, – зоопсихологу просто некуда было
деваться от любопытных глаз журналистки. – Если бы они
были ядовиты, я бы умер, ведь меня кусали. Просто укусы,
понимаете, это очень неприятно.

– Хорошо, наденем скафандры, – согласилась девушка.

Сама беседа тоже пошла не так, как планировалось. Жур-
налистка постоянно задавала вопросы, и из подготовленной
лекции ничего не получилось. Ее интересовало, как он рабо-

тал с прести, что удалось узнать, чем эти животные были похожи на земных, а чем отличались, были ли какие-то сложности в работе с ними, какие тесты им нравились, а какие – нет. Конечно, это была не лекция, как ее представлял Эндрю, но в целом этот разговор не слишком угрожал его секрету. И тут, когда он уже почти успокоился, она спросила о том, чего он так боялся.

– Расскажите, пожалуйста, при каких обстоятельствах вас укусили?

Из-за шарообразного шлема ее глаза казались еще больше и еще любопытнее. Он не мог ответить, что его не кусали – ведь раньше он об этом уже сказал. Совершенно неожиданно для себя он выложил весь свой секрет.

– Никаких особых обстоятельств тогда не было, – рассказал ученый. – Я, как и днем раньше, принес для занятий мяч. Знаете, такие большие мячи, которые легко катятся от малейшего прикосновения? Почти все прести не проявили к нему интереса, они видели его раньше, а им не свойственно несколько раз исследовать один и тот же предмет. Только Пятныш подошел. Он обнюхал меня, как обычно, а потом укусил. Нет-нет, обычно он меня не кусал. И этот укус был совсем не сильным. Потом Пятныш занялся мячом, он толкал его ко мне, а я – к нему. Ему понравилась такая игра.

– Пятныш?

– Да, видите, вон тот прести, что стоит ближе всех к нам. У него еще узор на шкуре ярко выраженный.

– Вы можете предположить, почему он вас укусил?

– Нет, раньше такого ни с кем не происходило, по одному случаю нелегко предположить причину.

– Они периодически покусывают друг друга. Может, у них такое приветствие и он принял вас за своего?

– Интересная гипотеза, над ней стоит подумать.

Пока они говорили, тот самый прести подошел почти вплотную к ограде. Журналистка это заметила и тут же протянула микрофон в его сторону.

– Ну-ка, мистер Пятныш, расскажите, зачем вы укусили мистера Макгрегора?

Пятныш тщательно обнюхал микрофон, а потом громко фыркнул в него.

После интервью зоопсихолог не находил себе места. Он чувствовал себя предателем по отношению к прести. И из-за того, что рассказал об укусе, и из-за того, что ему нравилась журналистка, которая, конечно же, всем расскажет, что прести кусаются. Но он ничего не мог поделать – ни с тем, что рассказал, ни с тем, что ему нравилась эта девушка. Он с тревогой ждал, когда выйдет материал. Просить о том, чтоб журналистка не размещала информацию об укусе, он не стал – понимал, что это бесполезно. В итоге в сюжет вошла не вся их беседа, но уж историю про Пятныша она, конечно же, включила. Но, к огромному удивлению Эндрю, это не вызвало негативной реакции зрителей! Им понравились прести, хотя они и могут укусить. Кто-то просто писал, какие они

милые – зоопсихолог даже поморщился, читая это. Кое-кто радовался, что удастся больше узнать об окружающем мире. Некоторые строили гипотезы, почему Пятныш укусил Макгрегора, и тут были самые разные варианты, от предположения, что ученый просто надоел своими играми, до нежелания делиться мячиком. Но выводы у многих из них были одинаковые – мол, правильно сделал, что укусил!

В общем, зрителям понравились прести, хотя зоопсихолог этого совершенно не ожидал. Такой же, если не большей, неожиданностью, оказалось коротенькое письмо от его руководителя в исследовательском институте. “Браво, мальчик мой! – писал ученый. – Тебе удалось вывести из себя этих недотрог, молодец! При встрече хочу услышать все в подробностях. Ты обязательно должен выступить на Межпланетном форуме зоопсихологов. Как только об этом узнают, тебе сразу пришлют приглашение, так что садись и пиши статью для нашего журнала!” В общем, все получилось не так, как думал Эндрю. Совсем не так.

Самое таинственное место

Разработчик вакцины Алан Петерсон охотно согласился побеседовать с Мэри-Энн. Также охотно он согласился показать свою лабораторию – при условии, что генерал разрешит. Тот тоже не возражал – при условии, что с ними пойдут еще несколько специалистов, включая главного военного врача, все будут в скафандрах высшей защиты, а потом прой-

дут полную дезинфекцию. Камера Мэри-Энн не могла выдержать такой процедуры, тогда генерал предоставил свою – возможности военных были куда выше, чем у гражданских, а девушка прилетела на базу с собственным оборудованием. Перед посещением здание накрыли еще одним герметичным куполом.

Внутри было очень тихо, только едва слышно шелестели какие-то приборы. В своей лаборатории Петерсон рассказал, как шла работа над вакциной. При этом он отметил, что последних достижений своих коллег он не знает, поскольку ему пришлось пройти карантин. И высказал предположение, что никто этого и не узнает, поскольку вся группа, кроме него, погибла. Сам он высказал желание продолжить работу, как только это будет возможно, и будет только рад, если кто-то захочет к нему присоединиться.

Когда съемки в лаборатории были закончены, Мэри-Энн попросила разрешения заглянуть в другие лаборатории, если они не заперты. Это оказалось возможно. Там, где работал Берт, она обратила внимание на всплывающую надпись на компьютере: база восстановлена.

– Вот видите, не все достижения ваших коллег пропали – база восстановлена.

– О, база это еще не все, важно, к каким выводам они пришли, – возразил ей Петерсон. – А о какой базе вы говорите?

– Вот об этой, – указала девушка на вновь появившуюся надпись. – Конечно, о выводах других исследователей мы

уже не узнаем, вы, к сожалению, правы. Но ведь доступ к данным, с которыми они работали, вы получить сможете?

– Да, пожалуй, это будет возможно, – задумчиво произнес Петерсон.

– Если вам нужна какая-то помощь, обращайтесь, я лично готов присоединиться к вашей работе, – вмешался в беседу главный военный врач. – Полагаю, исследования стоит продолжить как раз с изучения всей возможной информации о том, что удалось сделать вашим коллегам.

– Я буду благодарен вам за помощь, – согласился ученый. – Только нужно дождаться разрешения генерала Адриана, он ведь запретил пока что все работы.

– Не волнуйтесь, думаю, скоро он все разрешит, – заверил его врач. – С соблюдением повышенных мер безопасности, естественно.

Доктор Спелси совершенно ничем не рисковал, давая такие обещания от имени генерала. Раз компьютер выдает сообщение о восстановлении базы данных, значит, к нему никто не подходил со времени трагедии. А раз пришлось восстанавливать базу, значит, он получил непростую задачу. И если во всем этом как следует покопаться, есть шанс, что можно будет что-то найти. Теперь появился кончик ниточки, и стоило попробовать размотать весь клубок.

После выхода материала о прести Макгрегору долго не давали покоя слова журналистки. В итоге он все же решился поговорить с Аланом Петерсоном.

– Добрый вечер, – зоопсихолог подошел к нему в кафе, как раз после съемок в лаборатории.

– Добрый, – не слишком дружелюбно отозвался Петерсон, он недолюбливал Макгрегора. – Должен сказать, вы теперь – не единственная звезда телевидения. Только что мисс Стокс закончила съемки со мной. Мы ходили в лаборатории!

– Это очень интересно, с нетерпением буду ждать выхода передачи, – ответил Макгрегор к полному удивлению Петерсона. – А я как раз хотел поговорить с вами о ваших исследованиях. Вам удобно беседовать здесь?

– Хм. А о чем вы хотели поговорить?

– Вы брали на исследования слюну прести?

– Ну, конечно, брали! А почему вас это интересует?

– Сейчас поясню. А в ней ничего необычного не было?

– Насколько я помню, ничего. Но чем вызван ваш интерес?

– Видите ли, один из прести меня укусил.

– Ну, слюна у них явно не ядовита – вы же выжили. И, наверное, даже не болели.

– Вот именно, доктор, я выжил, – вздохнул зоопсихолог. – Я общался с вашими коллегами незадолго до их смерти. Потом прести меня укусил. Они погибли, а я выжил.

Где искать ответы

После съемок в лаборатории комиссия заработала в новом направлении. Благодаря восстановлению базы данных ста-

ло ясно, что Ларсен и Хасли работали не только над вакциной. Другие исследователи использовали синтетическое вещество, похожее по характеристикам на С1084. А Берт искал катализатор на основе оригинала.

Доктор Спелси полагал, что такую важную информацию он не захотел бы передать в руки посторонних. Однако он не подтвердил восстановление базы данных, вообще было похоже, что к компьютеру после той задачи никто не подходил. Видимо, потому, что попасть в лабораторию исследователь не мог. Доктору не составило труда выяснить, что перед ЧП на станции был еще один инцидент. Конечно, по важности не идущий ни в какое сравнение с гибелью ученых, но все-таки. Была радиационная опасность, о которой не предупредили заранее. Людям пришлось срочно оставлять свои занятия и бежать в комнаты, где всегда максимально безопасно. Естественно, в такой ситуации даже очень важная информация отступает на второй план. Но раз Хасли срочно уходил из лаборатории, то, вероятно, и Ларсен тоже – из своей. Вполне возможно, и он оставил работу незаконченной. Доктору Спелси срочно понадобился еще один визит в лаборатории.

У Петерсона тоже появились новые идеи. Сначала он был склонен отмахнуться от слов зоопсихолога. Однако в его словах была логика – другие умерли, а он выжил. Так откуда им знать, что дело не в укусе? Конечно, слюну прести проверяли и ничего особенного не нашли. Но ведь и яд С1084 обнаружили не сразу. Может быть, слюна меняется как раз по-

сле заражения? Или что-то происходит при попадании слюны в зараженный организм? Петерсону срочно требовался эксперимент.

Макгрегору было тяжело решиться рассказать все разработчику вакцины, гнетущее ощущение не оставляло его. Даже положительные отзывы на статью о престиже не поднимали настроения. Но он не жалел о случившемся, и когда Петерсон стал говорить об эксперименте, сам вызвался добровольцем. Он не хотел, чтобы Пятныш рисковал один. Да, конечно, для него риск минимален, скорее всего, ничего с ним не случится. Но ведь нужен еще и человек, Петерсон особо подчеркивал это. А с другим человеком это могло и не сработать. С тяжелым сердцем он шел к Пятнышу, а в кармане у него было две герметичных ампулы. Их готовили Петерсон, доктор Спелси и кто-то еще.

– Извини, друг, сегодня мы не будем играть в мяч, – сказал зоопсихолог, обращаясь к животному. – Сегодня у нас совсем другая задача. Вот, смотри. Одна тебе, одна мне, все по-честному.

Пятныш не проявлял ни малейшего недовольства, не говоря уже об агрессии. Он спокойно позволил сделать себе укол, а потом спокойно смотрел, как ученый делает укол себе.

– А теперь мы будем складывать кубики, – продолжил Макгрегор. – Вот, один набор тебе, другой мне. Да, я знаю, кубики тебе нравятся меньше, чем мяч, но нужно подождать.

Понимаешь? Очень нужно. А потом, если сильно повезет, милая девушка Мэри-Энн будет снимать, как мы играем в мяч.

После этого он разложил два комплекта кубиков и занялся работой. Недалеко от помещения с мантиями, которое на этот раз окружили герметичным куполом, собралась целая комиссия в скафандрах высшей защиты – Петерсон, Спелси и специалисты с Земли. Им пришлось ждать довольно долго. Но потом они увидели, как Пятныш стал покусывать себя. А потом подошел к зоопсихологу, обнюхал его и снова укусил.

Большая премия

Вручение одной из главных наград научного сообщества, как обычно, проходило в здании Оперы. Уже не один десяток лет церемония завершалась выступлением лучшего оркестра Земли и космических поселений. В этот раз также никто не собирался отступать от этой традиции. Но кое-что происходило впервые.

– Впервые Главная премия вручается посмертно, впервые победители не получают свой миллион, впервые на церемонии выступают не только номинантам, – обращалась к своим зрителям Мэри-Энн.

“И впервые мне приходится вести репортаж в вечернем платье”, – думала девушка. Она получила персональное приглашение на освещение церемонии, в котором четко были обозначены требования к дресс-коду. Впрочем, платье не

мешало журналистке бесшумно перемещаться по залу вместе с аппаратурой, чтобы снять все интересное. В том числе речь Эндрю Макгрегора, который тоже получил персональное приглашение и предложение выступить на церемонии.

– Для меня возможность участвовать в исследованиях разработчиков иммунала – это большая честь, – говорил зоопсихолог. – Надеюсь, благодаря этому удастся не только защитить людей от многих болезней, но и больше узнать о взаимодействии с инопланетными формами жизни. Еще большая честь – выступить сегодня перед вами. Спасибо, что мне была предоставлена такая возможность!

И вот настало время официального чествования победителей. За открытие иммунала – препарата, защищающего от многих и многих вирусных инфекций – награду получили Рик Ларсен, Берг Хасли и Алан Петерсон. Благодаря первым двум был создан базовый состав препарата, а третьему удалось найти регулятор количества C1084. Он же предложил окончательную формулу средства, которое наделяло людей иммунитетом едва ли не ко всем известным на тот момент вирусам. На сцену за памятной статуэткой поднялся только Петерсон. Ларсен и Хасли не дожили до своей победы. По этой же причине в этот раз не вручался миллион. А статуэтки погибших после церемонии должны были храниться в зале почета – вместе с другими наградами после смерти их обладателей.

Конечно, некоторые говорили, что Ларсена и Хасли вооб-

ще можно было не учитывать, и сами погибли, и сколько еще людей с ними. Но те ученые, чье мнение имело вес, считали, что если бы Ларсен и Хасли не погибли – а случилось это не по их вине – они бы создали свой препарат. И Петерсон был только рад, что заслуги других исследователей признали на столь высоком уровне.

Мэри-Энн знала, как продвигалось расследование. Перед гибелью группы ученых на станции была радиационная опасность, о которой не предупредили заранее. Ученые спешно покинули лаборатории, оставив капсулу с образцами, в которой проверяли взаимодействие вируса “марсианского гриппа” и С1084 на столе. Из-за радиации капсула утратила герметичность, опасное соединение попало в организм одного из лаборантов, а потом он заразил остальных. По инструкции образцы следовало уничтожить, но он убрал их в герметичный отсек. Потом исследователи нашли эту капсулу, и на основе ее содержимого Петерсон разработал иммунал. А потом трое разработчиков были номинированы на Главную премию, а все причастные к исследованию получили пригласительные билеты на церемонию.

Мэри-Энн впервые освещала столь знаковое событие научного сообщества. А сразу после него ей предстояло впервые лететь на межпланетном лайнере в вечернем платье – у нее просто не было времени переодеться во что-то более подходящее путешествию. После работы с военными ей предложили годовой контракт от Межпланетного исследователь-

ского общества. Интересная работа и хорошие деньги, что еще нужно? Так что она уволилась с новостного канала и теперь летала с одной планеты на другую вместе с учеными. Церемония вручения Главной премии оказалась как раз между такими перелетами.

Эндрю Макгрегор большую часть своего времени проводил на станции, где продолжал изучать поведение прести. А кроме того, он вел занятия у студентов в исследовательском институте. Алан Петерсон также оставался на станции – он надеялся, что удастся создать и препарат, защищающий от бактериальных угроз. А генерал Адриан добился того, чтобы ученые детально описывали свои исследования. Эти документы полагалось хранить в сейфе. Но в случае экстренной ситуации военные получали к ним доступ – вдруг опять будет непонятно, от чего умерли люди.